

До того как насекомые Гатлинга прорвут последний рубеж обороны, оставалось меньше пяти минут. До прибытия спасательного челнока «Светлячок» — сорок. До того как флагман Военного ведомства на предельной скорости войдет в Большую черную дыру, — ровно час.

Что же задумал Эрвин Герман?

— Анни, тебе стоит поторопиться, — раздался в динамиках голос Галина. Капитан уже выполнил свою задачу и собирался вернуться в центральный отсек.

Заряды были установлены, гермозатворы в центральном секторе заблокированы, а электромагнитный щит отсека запущен на полную мощность. Прозрачные стены мгновенно побелели, полностью скрыв происходящее внутри от посторонних глаз.

— К обратному отсчету готов, — подал голос лейтенант Эрик. — Ну как, док, начнем?

— Погоди, — Анни не отрывала взгляда от бегущих по экрану данных. — Галин, возвращайся в рубку управления.

— Мой долг — защищать тебя, — отрезал Галин с предельной серьезностью.

— Нет, — покачала головой Анни. — Наша задача — сделать так, чтобы флагман вовремя прошел сквозь черную дыру.

— Ты — ведущий ученый Ассоциации академий. У меня четкий приказ: твоя жизнь важнее целого флагмана.

— Ошибаешься. Я не важна. Все, что я делаю, направлено лишь на то, чтобы моя персона перестала иметь значение, — эти слова Анни произнесла тихо, словно отвечала не столько капитану, сколько самой себе. — Это приказ, Галин. Возвращайся в рубку, переведи биочип в режим низкочастотной связи. Кто-то из нас должен остаться у ручного пульта.

«Ну же, Эрвин Герман! Я жду!»

Анни на время разорвала нейросетевую связь с Военным прототипом.

— Лейтенант Эрик, поднимите манипулятор. Покажите, что готовы.

Эрик послушно вскинул тяжелую стальную конечность меха.

— Порядок. Начинаю обратный отсчет.

Последний рубеж обороны пал. Из-за дверей уже доносился леденящий душу скрежет — насекомые Гатлинга вгрызались в металл. Солиманс обнажил высокочастотный вибронож, готовый вручную встретить любого, кто посмеет прорваться внутрь.

— Три... Два... Один... Взрыв!

Электромагнитная импульсная бомба детонировала беззвучно. В то же мгновение поднятая рука меха безжизненно рухнула вниз.

— Есть детонация! — отрапортовал Эрик через биочип.

— Да... — Анни судорожно выдохнула. Навалившаяся в мгновение ока четырехкратная перегрузка заставила ее на секунду ослепнуть.

— Лежи и не дергайся, док. Дыши глубже и реже, — сквозь зубы процедил Эрик. Даже для него, закаленного Альфы, такое испытание не проходило бесследно.

Понадобилось несколько мучительных секунд, чтобы к Анни вернулось зрение. Сейчас даже простое движение руки к клавиатуре казалось непосильной задачей. Преодолевая сопротивление собственного тела, она направила проекцию биодисплея прямо на экран терминала.

— Галин... — из последних сил выдавила она в эфир. — Сколько осталось до завершения восстановления систем флагмана?

— Еще пять минут, — отозвался капитан. — Вся электроника и механика в центральном секторе полностью обесточены. Мы в абсолютной тишине.

По бронированной плиткам гермозатвора побежали глубокие трещины. В образовавшуюся щель просунулось зазубренное жало насекомого Гатлинга; на его темно-серебристых сочленениях зловеще поблескивали свежие капли крови.

Это чудовищное творение вышло из лабораторий Ассоциации академий. Никто и представить не мог, что их собственное детище обернется против человечества.

Эрик сделал над собой усилие, пытаясь вручную сдвинуть заслонку смотровой панели.

— А я-то надеялся, что у этого «ТАСК Шершня» есть хоть какая-то защита от импульса. Черт, совсем голая консервная банка.

— Большинство наших врагов не пользуются импульсными бомбами, — тяжело дыша в душной, лишенной вентиляции рубке, отозвался Галин.

— Слышь, док, а эти ползучие твари — тоже работа твоего хваленного Германа?

Сквозь нарастающий звон в ушах Анни едва заметно покачала головой:

— Нет... В Ассоциации полно и других выдающихся умов...

— И чего он тогда добивается? Как по мне, чувак просто поехал крышей, — Эрик щелкнул зажигалкой и затянулся. За курение в кабине уставом полагался строгий выговор, но сейчас парню было плевать — мех все равно превратился в грудку мертвого железа.

— Он... не сумасшедший, — Анни прикрыла глаза, и перед ее внутренним взором возникло до боли знакомое лицо. — Он гений. Непризнанный гений, свернувший не туда.

Эрик выпустил плотную струю дыма. Стало чуточку легче, паника отступила.

— Не понять мне вас, высоколобых... Да и к черту. Солиманс, эй! Подай голос, чего молчишь?

Солиманс даже не включил внешнюю связь. Забившись в темный угол кабины, он беззвучно глотал слезы.

— И все-таки он гребаный псих, — хмуро бросил Эрик, не дождавшись ответа.

Климатические установки вышли из строя. В отсеке воцарилась удушливая, липкая жара. Анни попыталась перевернуться на бок, но ощутила, как из носа побежало что-то теплое и густое.

«Кровь. Какое жалкое зрелище».

— Галин... Сколько еще...

— Минута.

Анни хотела сказать: «Кажется, я умираю», но вместо этого выдавила:

— Посадочная площадка отсека... в километре по диагонали, выше... В рубке лежит инструкция... Если увидишь председателя Планка... передай ему, пусть никогда... А-а-а-а!

Снаружи грохнуло вновь. На этот раз взрыв не был похож на предыдущие — этот звук нес в себе абсолютное, беспощадное разрушение.

Потрескавшаяся гермодверь со скрежетом прогнулась внутрь. Один удар, второй! Кто там?!

Складчатожаберные многоноги!

Все эти полвека их сдерживали вовсе не слои железобетона и стали. Единственной преградой для них были насекомые Гатлинга!

Внешне они походили на безликих осьминогов, но эти твари обладали зачатками разума. Они прекрасно помнили, кто именно изуродовал их родную планету. Они жаждали возмездия и точно знали, к кому пришли за долгом.

— Солиманс! Выбирайся из кабины! Живо! — Эрик отшвырнул сигарету и рванул затвор аварийного люка. — Бегом, Солиманс!

— Солиманс, это приказ капитана! — надрывался в эфире Галин, лишенный возможности видеть происходящее. — На выход! Слушай лейтенанта!

Но из темной кабины не донеслось ни звука.

— Нет!!!

Склизкие щупальца складчатожаберного многонога наконец добили и вывернули заклинившую дверь.

— Мать твою, нет! — в ярости взревел Эрик. — Док, сделай же что-нибудь! Придумай что-нибудь!

Анни с трудом повернула голову. Зрение понемногу возвращалось, хоть мир вокруг все еще плыл. Но одну картину она разглядела с ужасающей отчетливостью. Все было именно так, как говорил Эрик: многоноги обожали человечину. Для них броня меха и пилот внутри были единым целым. Они пожирала людей, словно устриц — взламывали панцирь и высасывали нежное содержимое наружу.

Она увидела, как из искореженной кабины вытащили бьющегося в истерике Солиманса. Под жутким давлением стальных щупалец его лицо побагровело, а глазные яблоки едва не вылезали из орбит. Она увидела, как лейтенант Эрик отчаянно кромсает склизкую плоть виброножом... Она видела все это, и слезы бессилия душили ее.

— Галин...

— Что ты задумала? Лежи, не смей вставать!

С трудом, преодолевая ломоту в суставах, Анни поднялась на колени. На экране мигнуло сообщение: процесс восстановления Системы второго поколения завершен.

— Помоги мне подключиться вручную... к Системе второго поколения флагмана... В рубке есть черный пульт... Я попытаюсь перезапустить насекомых Гатлинга... Это... приказ...

Стиснув зубы, Анни размазала кровь по лицу и поползла к аппарату жизнеобеспечения. Военный прототип... Сквозь маску мертвой стали ей мерещилось лицо Эрвина. Штекер нейроинтерфейса обжег пальцы ледяным холодом, но она уверенно вогнала кабель в разъем на затылке.

— Ха-а! — Эрик с остервенением отбросил отрубленный кусок щупальца. Вонь паленой органики вперемешку с черной жижой многонога заполнила весь отсек. — Мы, люди, крепче будем, чем вам кажется, твари!

Гермозатвор окончательно сорвало с петель, и внутрь хлынул лавинообразный поток склизких отростков.

— Подумаешь, четыре «же»! — Эрик яростно полосовал наступающих монстров. — Галин! Слышь, парень?! Вернешься на Титан — с тебя выпивка! Ты мне... черт возьми... все еще торчишь стакан за тот вечер!

Это был их последний натиск. Сверхпрочный хитиновый панцирь многонога вжал лейтенанта в стену, с хрустом раздробив его левое предплечье вместе с зажатым в нем виброножом.

Внутренняя стена центрального отсека была прозрачной лишь в одну сторону — Анни видела каждую секунду этой агонии.

Все, что было ниже пояса Эрика, превратилось в кровавое месиво. Стена позади него окрасилась багровым. Из последних сил он вцепился правой рукой в хитиновый нарост чудовища, пытаясь удержать угасающий взгляд.

— Ну и дыра... — Эрик посмотрел прямо на белую плоскость стены. Он знал, что на него смотрят. На его губах промелькнула слабая, прощальная улыбка. — В следующий раз... не забудьте захватить на корабль... нормального пойла...

Откинув безжизненное тело, тварь с глухим стуком навалилась на преграду. Листы обшивки начали выгибаться дугой. Преград больше не осталось. Огромный складчатожаберный многоног проломил внутренний контур и ввалился в отсек, хищно раскрывая усеянную зубами пасть.

— Оуэн... Оуэн... — задыхаясь, твердила Анни, судорожно пытаясь активировать протокол связи. — Спаси меня... Эрвин...

И в этот момент холодная металлическая рука Военного прототипа дрогнула, мягко опустилась и едва ощутимо коснулась ее лба.

* «... И пусть трусливые бегут назад... но этот мир мне дорог».*

Анни попыталась перехватить холодные стальные пальцы, но сознание окончательно покинуло ее.

— Эй? Ты что, уснул?

— Нет, — Эрвин медленно открыл глаза.

Шлиффен сидел перед ним на полу, разминая его затекшие лодыжки.

— Просто ты возишься с моими ногами дольше, чем я ожидал.

Шлиффен беззлобно усмехнулся:

— Ты выдающийся ученый, а в элементарных вещах не смыслишь.

— И в чем же выражается моя неосведомленность?

— Ну хотя бы в том, что если человек сидит неподвижно больше шести часов, у него неизбежно нарушается кровообращение. А ты... — Шлиффен мысленно прикинул время его побега, указанное в ориентировке. — Ты просидел сиднем несколько десятков часов, не меньше.

— Я не просто сидел. Пока я бежал, челнок немилосердно трясло.

— Это лишь твои субъективные ощущения. С моей точки зрения, эта «тряска» — не более чем легкая вибрация.

Вдруг по замкнутому пространству комнаты пронесся странный, резкий порыв воздуха — словно кто-то взболтал бутылку с газировкой. Земля под ногами заходила ходуном. Внезапный подземный толчок оказался настолько мощным, что стены и оконные рамы жалобно застонали. Из всех углов давно не прибиравшегося помещения поднялись тучи вековой пыли, заставив Шлиффена зайти в кашле.

— Кха! Кха! — Шлиффен инстинктивно подался вперед, закрывая Эрвина собой и прижимая его голову к своей груди. — Землетрясение! Твою мать, это землетрясение!

Толчок был сокрушительным, но коротким. К счастью, крыша выдержала, и сверху ничего не

посыпалось. Когда все затихло, Шлиффен все еще тяжело дышал, не в силах унять дрожь.

— Это же было землетрясение!

— И снова субъективные ощущения. Как по мне — обычная встряска, — Эрвин даже бровью не повел.

Шлиффен медленно отстранился, чувствуя себя немного глупо.

— Скажи мне, твоя невыносимая манера общения — это врожденная черта всех Омег или твоя личная суперсила?

Эрвин все еще полулежал в тени, которую отбрасывал его защитник. Альфы от природы были крупными и широкоплечими; нависая над ученым, Шлиффен загораживал его от мира целиком.

Внезапно лейтенант заметил, как в уголках губ Эрвина промелькнула едва заметная улыбка.

— Спасибо. И извини за колкость. Правда, спасибо, что размял мне ноги, — Эрвин поспешно вернул лицу серьезное выражение.

Шлиффен поднялся на ноги и, чтобы скрыть смущение, потер кончик носа.

— На Освальде никогда не бывает землетрясений.

— Ты служил на Освальде? — Эрвин на секунду задумался, перебирая архивы памяти. — Кажется, это красивая голубая планета.

— Красивая, если не считать того, что это одна сплошная тюрьма, — Шлиффен подкатил поближе инвалидное кресло. — Я попал туда по распределению сразу после академии. — Он снова наклонился и бережно подхватил Эрвина на руки. — В Ассоциацию академий берут лишь единицы. И они на дух не переносят Альф. Твоих рук дело? Учитывая, как предвзято ты ко мне относишься.

Эрвин устроился в кресле. Но думал он сейчас совсем не о своем положении, а о том, каким же мелочным порой бывает этот лейтенант.

— Вовсе нет. Председатель нашей Ассоциации — чистокровный Альфа. Он занимал этот пост еще в те времена, когда я был зеленым аспирантом.

— Надо же, какой долгожитель. Расскажи мне об этой вашей Ассоциации. Для такого

деревенщины, как я, застрявшего на задворках обитаемого космоса, ваши столичные сплетни — жуткая экзотика.

— Никакой экзотики. Обычная рутина. Большую часть времени мы просто учились.

— И чему же вас там учили?

Эрвин ненадолго задумался.

— Тому, что ты называешь здравым смыслом.

— Например?

— Ну, возьмем планету, на которой мы сейчас находимся. Если бы сюда прибыл специалист из Ассоциации, первое, на что он обратил бы внимание — обилие энергозатратных кремниевых форм жизни при колоссальном удалении от ближайшей звезды. Из этого он сделал бы вывод, что местная язычковая трава выживает исключительно за счет глубинного тепла планеты. А раз ядро активно — значит, тектонические плиты постоянно движутся. И уж точно не стал бы паниковать при первом же легком толчке.

Шлиффен удивленно моргнул, переваривая услышанное.

— Хочешь сказать, ты просчитал регулярные землетрясения в уме?

— Разумеется, нет, — Эрвин мягко рассмеялся. — Я просто проработал на этой станции мониторинга кучу лет. Трясет тут регулярно. Здание строили с запасом прочности, а всю тяжелую мебель намертво прикрутили к полу, так что бояться нечего.

— Ну ты и язва, — беззлобно хмыкнул Шлиффен. — И что же занесло признанное светило науки в эту глухомань? Тоже ради каких-то великих изысканий?

— Нет, — Эрвин опустил взгляд. — Учиться нужно постоянно, но иногда требуется время и для простых размышлений.

Толчки утихли. Шлиффен нажал на кнопку, открывая тяжелые ставни. В душное помещение хлынул поток свежего, прохладного воздуха. Землетрясение расшевелило язычковую траву снаружи — до слуха мужчин донеслось ее мерное, шуршащее щебетание, напоминающее шум ветра в спелых пшеничных полях.

— Знаешь, тюрьма — это не зал суда. На Освальде я чувствовал себя обычным пастухом. Подними их, уложи спать, перегони из одной казармы в другую, шлепни печать на личное дело — точь-в-точь как клеймо на овечьё ухо. Смертная тоска, — Шлиффен горько усмехнулся. —

Так что у меня тоже бывало время подумать.

— И о чем же ты думал?

— О том, что... «они видят, как я пью дешевое пойло, но не замечают, как я иду наперекор ветру».

Эрвин удивленно повернулся к нему. Лейтенант неловко пожал плечами:

— Люблю стихи старой Земли.

— Я знаю. Бертольт Брехт.

Шлиффен молча кивнул. Этот беглый преступник определенно не походил на сухих, высокомерных академиков, с которыми лейтенанту доводилось сталкиваться раньше. Говорить с ним было на удивление легко.

Эрвин перевел взгляд на открывавшийся из окна пейзаж. Лишь спустя долгие минуты он тихо произнес:

— Я отдал Ассоциации лучшие годы, чтобы потом предстать перед их судом. Сперва меня превозносили за «неоценимый вклад в науку», а затем превратили в бесправного колодника. Мне перерезали нервные окончания на позвоночнике, но я умудрился угнать их корабль прямо в инвалидном кресле. Попутно я обрушил защиту главного сервера, из-за чего магнитная буря выжгла половину дорогостоящего оборудования Военного ведомства. Ты спрашивал, в чем моя вина... Пожалуй, в этом.

— Я спрашивал не о том, что ты натворил при побеге. А о том, за что тебя судили изначально.

— Ах, это... — Эрвин попытался придать голосу беззаботности. — Наверное, потому, что они тоже не заметили, как я иду наперекор ветру.

Ветер тихо свистнул в оконной раме, унося скопившуюся духоту прочь. Шлиффен не стал настаивать на ответе. Он повернулся спиной к окну, выпрямился и отдал безупречно четкую воинскую честь:

— Лейтенант Герс Шлиффен. Честь иметь с вами дело, профессор.

— Взаимно, лейтенант. И спасибо вам.

Произнося эти слова, Эрвин тепло улыбнулся. И эту улыбку Шлиффен запомнил на всю

оставшуюся жизнь.

Примерно таким же запомнил Эрвина и Йоханнес Зект. Их первая встреча состоялась на Фамагусте, в недрах строящегося подземного командного пункта старого военного ведомства. Маршал тогда стоял на капитанском мостике вместе с Планком, обсуждая урезание армейского бюджета, как вдруг заметил на смотровой площадке одинокую молодую фигуру. Искусственные светофильтры мягко преломляли багровые лучи Фамагусты, превращая их в теплое золотистое свечение. Юноша стоял в этом ореоле, устремив взгляд в бескрайнюю даль, и на губах его играла легкая, почти невесомая улыбка.

Планк тогда с гордостью кивнул в сторону платформы и негромко произнес: «Мой лучший ученик. Истинное воплощение красоты Омеги».

Прошли десятилетия, но Зект так и не смог стереть этот силуэт из памяти. Вот только со временем щемящее восхищение уступило место ледяному ужасу и глухому отвращению.

Буквально несколько минут назад флагманский крейсер «ВК-ВИБ» совершил экстренное торможение прямо перед входом в горизонт событий. Это не просто сорвало гиперпрыжок — это спровоцировало мгновенное схлопывание Большой черной дыры.

— Господин маршал, председатель Ассоциации академий запрашивает прямую линию, — доложил адъютант.

Йоханнес Зект смерил офицера тяжелым, не сулящим ничего хорошего взглядом.

— Отказать в связи. И возьми это, — маршал швырнул на стол папку с директивой. — Немедленно арестовать Анни Шуберт от имени Военного ведомства.

<http://bllate.org/book/18311/1756267>